

Ещё до рассвета Хуэйпин уже был на ногах. Слугам, ответственным за уборку, приходилось вставать раньше остальных, и подъём затемно вошёл у них в привычку. По обыкновению он бросил взгляд на кровать Цзинчжэ и обнаружил, что она пуста. Обычно они просыпались примерно в одно и то же время, раньше других.

«Что это Цзинчжэ так рано вскочил?» — удивился Хуэйпин.

Он выглянул наружу. Небо уже чуть посветлело. Выходит, это он проспал.

Погружённый в свои мысли, Хуэйпин совершенно не заметил лёгкий аромат, витавший в комнате.

Он зевнул, быстро оделся и, захватив таз для умывания, вышел во двор. Проходя мимо места, где они обычно сушили бельё, он увидел свежестыранное одеяло.

Кажется, Цзинчжэ.

Хуэйпин удивлённо поднял бровь. В этот момент появился и сам Цзинчжэ с деревянным тазом в руках. Он был уже одет и умыт.

— Ты чего это с утра пораньше одеяло стирать вздумал? — спросил Хуэйпин.

Зимой никто по доброй воле не станет возиться с водой — руки отваливаются от холода. Некоторые неряхи могли по полмесяца не мыться и не стирать одежду. К счастью, ни он, ни Цзинчжэ к таким не относились. Но даже для чистюли стирать одеяло в такой мороз — это уже слишком...

— Ночью вставал попить, да случайно пролил на одеяло. Подумал, раз уж всё равно давно не стирал, то можно и освежить, — голос Цзинчжэ звучал ровно, скрывая внутреннее смущение.

— Пролит на одеяло? А то, что под ним...

Цзинчжэ указал назад:

— Вон, тоже там сохнет. Надеюсь, высохнет побыстрее.

— Да ты что! — забеспокоился Хуэйпин. — У тебя же оно одно, если не высохнет, как ты спать будешь?

Хотя по ночам им выдавали немного угля, его не хватало на всю ночь, и комната не превращалась в весенний сад, а лишь переставала быть ледяным погребом. Без одеяла можно было запросто заболеть всего за одну ночь.

— Ничего страшного, — улыбнулся Цзинчжэ. — Там намокло с одного края, можно и так спать. Буду спать на сухой стороне, а днём снова вынесу сушиться.

— Нет, так не пойдёт. Ночью перевернёшься и ляжешь на мокрое.

— Да всё в порядке. Последние дни снега не было, сегодня, может, и солнце выглянет, глядишь, и высохнет.

С этими словами он направился в комнату.

Хуэйпин лишь беспомощно покачал головой. Он твёрдо решил: если одеяло к вечеру превратится в ледышку, он затащит Цзинчжэ к себе в постель. Вдвоём, конечно, тесновато, но всяко лучше, чем мёрзнуть.

За его спиной Цзинчжэ ускорил шаг. Только оказавшись у порога, он позволил себе выдохнуть, и дыхание его стало прерывистым. Он потёр лицо и вошёл внутрь.

В полумраке комнаты, при тусклом свете, пробивавшемся из-за дворцовых стен, он на ощупь поставил таз и умывальные принадлежности на место, а затем сел на край кровати и замер.

Он...

Цзинчжэ опустил взгляд, и в его глазах отразились растерянность и недоумение, словно он только что попал в новый, неизведанный мир.

Среди ночи его разбудил странный жар. Когда Цзинчжэ увидел, что с ним происходит, у него душа ушла в пятки.

Что это такое?

Когда до него дошло, что это, он погрузился в молчание. Оказывается... эта штука... ещё и встаёт?

Но ведь этого не должно было быть!

Цзинчжэ промучился полночи, но так и не смог ничего с этим поделать.

Иногда человек, столкнувшись с чем-то новым, может интуитивно понять, что к чему, а иногда — нет. Цзинчжэ принадлежал ко второй категории. Ему было больно, он был в панике, и ему отчаянно захотелось от этого избавиться, хоть ножом отрезай.

Мучились оба.

А когда всё наконец закончилось, оставшийся запах... заставил его желать смерти.

Цзинчжэ с трудом поднялся, вытер руки и на цыпочках пробрался к той маленькой коробочке с благовониями, что подарил ему Жун Цзю. Украдкой раздобыв на улице немного огня, он зажёл палочку.

Лёгкий аромат быстро заполнил небольшую комнату. Запах был несильным, но он перебил странный дух, витавший в воздухе. Цзинчжэ с облегчением вздохнул и устался в темноту, где стояла его кровать.

Хоть и не было видно, он знал, что постель в беспорядке. Влажные пятна, странный запах, который, казалось, въелся в ткань. Можно было бы, конечно, посыпать раскрошенными благовониями, чтобы заглушить его. Но при воспоминании о липком ощущении на руках щёки его вспыхнули. И он вспомнил...

Проверку служанок в гареме.

Проверяли только служанок, но не евнухов. И этому Цзинчжэ должен был радоваться.

Если бы дошло до него, второго Чэнь Аня, который бы его прикрыл, в этом мире не нашлось бы.

С головной болью он собрал постельное бельё и тихонько вынес его на улицу. К счастью, за годы жизни здесь они привыкли к ночной темноте и научились передвигаться, не натываясь на предметы.

Выстирав и развесив бельё, Цзинчжэ снова замер в раздумьях.

Он встал слишком рано, на улице было холодно. Хоть последние дни и не было снега, но вывешенное сейчас бельё наверняка покроется тонкой корочкой льда. Но оно было насквозь мокрым, не сушить было нельзя.

Машинально развешивая бельё, Цзинчжэ мысленно корил себя за это неподобающее поведение.

И неприятно, и хлопотно. Что же это такое? Неужели лекарство, которое дал ему Чэнь Ань, перестало действовать?

Цзинчжэ принимал его до пятнадцати лет, а потом перестал.

Чэнь Ань сказал, что дальнейший приём повредит его здоровью.

Он послушался и убрал лекарство.

Порывшись в темноте в своём сундучке, Цзинчжэ наконец нашёл последние несколько пилюль.

Хорошо хоть, это не одежда. Лежи они на видном месте, Жун Цзю, чего доброго, снова бы их выбросил.

При воспоминании о выброшенной одежде у Цзинчжэ снова защемило сердце.

Да, она была поношенной, но ведь ещё совсем целой!

Он запил пилюлю ледяной водой из таза. Холод обжёг горло, заставив его содрогнуться. Он утер лицо.

Нельзя поддаваться порывам.

Их и не должно было быть.

«Неужели размышления о человеке могут вызывать такую реакцию в теле? Поистине, люди — рабы своих желаний».

Прости, Жун Цзю, с горечью подумал Цзинчжэ, кажется, мне не придётся обращаться за советом к Юнькую.

Из-за истории с одеялом друзья ещё несколько дней подшучивали над Цзинчжэ. Кто в здравом уме станет стирать в такой мороз? К счастью, в тот день выглянуло солнце, и было довольно тепло.

Иначе одеяло точно превратилось бы в ледяную глыбу.

Цзинчжэ позволял им смеяться.

Лучше так, чем если бы они заподозрили что-то неладное.

Некоторые вещи он не доверял даже Миньюю.

Ни свою ненависть, ни свою тайну.

До недавнего времени Цзинчжэ думал, что если Жун Цзю или Миньюй узнают его секрет, ничего страшного не случится.

Но проверка служанок отрезвила его.

Нет, они не должны знать.

Тогда, если что-то случится, умрёт только он один.

Каждый новый человек, знающий тайну, — это риск её раскрытия. И лишнее беспокойство для них.

Жить в постоянном страхе — невесело.

Цзинчжэ и так было невесело, и он не хотел, чтобы его друзья чувствовали то же самое.

Через два дня волнения, связанные с проверкой, докатились и до Управления по надзору за дворцовыми залами. Здесь не было служанок, но у многих евнухов были знакомые служанки.

Однажды, во время обеда, один из них вдруг разрыдался прямо за столом. Шиэнь, сидевший рядом, тихо пояснил:

— У него была названная сестра, служила у госпожи Чэнь. Кажется... её поймали во время проверки и уже увели.

Цзинчжэ побледнел. Лица остальных тоже омрачились.

Сначала казалось, что это их не коснётся, но теперь стало ясно, что последствия могут быть непредсказуемыми.

Если нашлись такие, как У Дэ и У Фу, то найдутся и другие.

И большинство мужчин в этом мире предпочитают женщин.

Даже если они не так жестоки, как эти двое, тех, кто падок на женскую красоту и принуждает служанок, наверняка немало.

Пришедший позже Чжэн Хун принёс больше новостей.

В последнее время Цзинчжэ стал его постоянным клиентом. Кто бы ни был тот друг, что посылал ему подарки, он делал это с завидной регулярностью.

«Так даже за любовницей не ухаживают», — думал Чжэн Хун, начиная сомневаться в своих выводах. Но какая разница? Платят — и ладно.

Цзинчжэ помог ему разгрузить вещи, но не стал сразу их разбирать, а усадил Чжэн Хуна за стол.

— Что такое? — насторожился тот. — Без денег я ничего не делаю.

Цзинчжэ, закатив глаза, вынул из-за пазухи три монеты и бросил ему.

— Хочу узнать кое-что.

— За новости цена другая, — проворчал Чжэн Хун, сгребая монеты.

Но он, конечно, не собирался брать с Цзинчжэ много за простой вопрос. А что до трёх монет... почему бы и не взять то, что само идёт в руки? Копейка рубль бережёт!

— Ты знаешь, в этом дворце евнухи и служанки тесно связаны. Последние события... могут ли они затронуть и нас?

Чжэн Хун искоса взглянул на него. Неудивительно, что он спрашивает.

В последнее время действительно было беспокойно.

— Спроси меня, я, конечно, не знаю, — пожевав губами, ответил он. — Но я слышал, что у Вдовствующей императрицы была такая мысль. Однако наемни Его Величество посетил дворец Шоукан, и после этого всё затихло.

Знать столько подробностей означало, что он специально разузнавал. Иначе новости не дошли бы так быстро, даже с его связями. Обычно Чжэн Хун не лез в такие дела. Во-первых, расследования — дело хлопотное и отвлекает от заработка. А во-вторых... на самом деле, у некоторых евнухов, оскоплённых не слишком тщательно, их «сокровище» могло немного отрасти. Хоть и бесполезное, но всё же... это было утешением для многих. А если бы при проверке это обнаружили, его бы отрезали под корень. Кто на такое согласится?

Цзинчжэ опустил глаза. Вряд ли император Цзинъюань пёкса о благополучии евнухов. С его

жестокостью... Если предположение Чжэн Хуна верно, и император остановил Вдовствующую императрицу, значит...

Она затронула интересы Его Величества.

Цзинъюань редко вмешивался в дела гарема. Кроме редких визитов к наложницам, его почти не видели в женской половине дворца.

Но евнухи — другое дело.

Они были не только удобным орудием для императора, но и полезны при дворе и в гареме.

Вдовствующая императрица, желая провести проверку среди евнухов, действительно ли хотела искоренить скверну или же пыталась укрепить свою власть в гареме?

— Раз нас это не касается, я спокоен, — сказал Цзинчжэ.

— Что-то по твоему лицу не скажешь, что ты спокоен, — хмыкнул Чжэн Хун. — Ладно, я всё доставил, пойду.

— Подожди, — остановил его Цзинчжэ. — Я хочу спросить тебя ещё кое о чём.

— Да что у тебя сегодня за день такой? — проворчал Чжэн Хун.

— Я же просил тебя насчёт Минъюя. Как дела?

Поскольку самому ему было неудобно бегать по разным управлениям, а дело Минъюя требовало денег, он, поразмыслив, обратился к Чжэн Хуну.

— А, ты о нём, — Чжэн Хун почесал подбородок. — С этим не так-то просто.

— Почему? — нахмурился Цзинчжэ.

Минъюй был из его набора, хоть и младше. Спешить вроде было некуда, но Цзинчжэ после недавних событий понимал, что такие, как он, пришедшие в управление поздно, вызывают подозрения. Мест нааттестацию было мало, и занимать чужое никому не понравится. Лучше было устроить всё заранее.

— Ты ещё спрашиваешь? Ты хоть знаешь, сколько всего случилось в Северных покоях за последние год-два? Снаружи об этом не говорят, но управляющие в курсе и боятся навлечь на себя беду.

Цзинчжэ замер. Он никак не ожидал такой причины.

...А ведь и правда, в Северных покоях в последнее время происходило немало.

— Но ничего, — махнул рукой Чжэн Хун. — Как раз появилось одно тёплое местечко. Я попробую разузнать. Если получится, с тебя вот столько.

Он показал Цзинчжэ на пальцах.

— Если устроишь, конечно, — без колебаний согласился тот.

— Ты меня вообще слушал? — с удивлением посмотрел на него Чжэн Хун. — Если получится, он попадёт в место получше твоего.

— Ну и что? — улыбнулся Цзинчжэ. — Если он попадёт на хорошее место, это и мне выгодно. Тоже смогу погреться в лучах его славы.

Чжэн Хун цокнул языком. Друзья — это, конечно, хорошо, но своя рубашка ближе к телу. Наслаждаться собственным успехом и греться в лучах чужого — разные вещи.

Если бы он не считал, что в Управлении по закупкам больше выгоды, он бы сам ухватился за эту возможность. А этот Цзинчжэ — дурак! Неужели не понял намёка?

Понял Цзинчжэ или нет, но Чжэн Хун ушёл.

Пока дело Минъюя не решилось, Цзинчжэ не мог успокоиться. Но он никому ничего не говорил — зачем зря обнадёживать?

Через два дня Чжэн Хун примчался снова.

— Быстрее, зови Минъюя, пошли со мной!

Цзинчжэ, не сразу поняв, что происходит, дал себя увлечь, но тут же сообразил и побежал вместе с ним.

Следующие полдня для Минъюя пролетели как в тумане.

Императорской кухне понадобилось несколько молодых евнухов, даже без ранга. Просмотрев нескольких новичков и не найдя подходящих, главный управляющий Чжу Эрси решил устроить отбор.

Это было не по правилам.

Но, к всеобщему удивлению, прошение утвердили.

Чжу Эрси начал подготовку. Он не афишировал это, но те, у кого были связи, уже всё знали. Даже Чжэн Хун узнал об этом не сразу. Он не зря намекал Цзинчжэ — он знал, что тот умеет готовить.

Приведя Минъюя, Чжэн Хун посмотрел на Цзинчжэ:

— Видишь? Если хочешь, это твой последний шанс.

— Мне и здесь хорошо, — спокойно ответил Цзинчжэ.

— Я тебя не понимаю, — сказал Чжэн Хун.

Говорит, что не хочет продвигаться, но из кожи вон лезет, чтобы успеть на аттестацию в двадцать лет. А ведь сам Чжэн Хун уже несколько лет как евнух третьего ранга. А если хочет — вот он, шанс, почему не берёт?

— Императорская кухня слишком на виду для меня.

И для его дел, и для его отношений с Жун Цзю, Управление по надзору за дворцовыми залами подходило больше. Там можно было затеряться. А на Императорской кухне — никогда.

За ней следили слишком многие. И дело было не только в выгоде, но и в том, что там готовили еду для всего дворца. Люди из всех покоев следили за каждым шагом. Слишком много передвижений — слишком много проблем.

Но если это место не подходило ему, это не значит, что оно не подходило Минъюю.

— Пошли, — Цзинчжэ похлопал Чжэна Хуна по плечу.

— Уже уходишь? Не останешься узнать результат?

— А ты, я смотрю, решил довести дело до конца. Мы дали ему шанс. А воспользуется он им или нет — это уже его дело. Я не могу водить его за ручку всю жизнь.

Если бы мог, он бы так и сделал.

Но он лучше других знал, что в этом мире ни в чём нельзя быть уверенным.

Если можешь справиться сам — лучше не полагаться на других.

Результаты объявили быстро.

Прямо на месте.

Услышав своё имя, Минъюй сжал кулаки, спрятанные в рукавах. С трудом сдерживая радость, он осознал, что отныне он больше не связан с Северными покоями.

Первым делом он отправил весть в Управление по надзору за дворцовыми залами.

Цзинчжэ был за него рад, но у него не было времени на празднование. Их перенесли на более ранний срок.

Такое решение приняли чжанинь и несколько других начальников управлений. Когда новость объявили, все забеспокоились.

Столько лет проводили в один и тот же день, почему вдруг перенесли?

Но простым слугам не дано было понять замыслы начальства. Раз сказали — значит, надо готовиться. Многие бросились зубрить в последнюю минуту. По пути домой Цзинчжэ то и дело видел качающиеся в такт заучиванию головы.

— Люй Тан вчера так увлёкся зубрёжкой на ходу, что свалился в пруд, — шепнул ему Хуэйпин.
— Чуть не замёрз насмерть.

— Неудивительно, что начальник управления в последнее время стал ещё строже.

Хуэйпин ещё долго что-то говорил, став болтливее самого Шиэня.

— Ты нервничаешь? — спросил Цзинчжэ.

— Немного, — потеряв голову, тихо признался Хуэйпин.

Он был на год или два младше Цзинчжэ, и ему тоже предстояло испытание в этом году.

— Не волнуйся. Я спрашивал у Чжэн Хуна и других в управлении. Кроме дворцовых правил, остальные задания обычно несложные.

К тому же, у них был Юнькуй.

Он несколько раз пытался выведать подробности у Цзян Цзиньмина. Тот хоть ничего и не сказал, но, устав от его болтовни, велел не беспокоиться и делать всё как обычно.

Эту новость Юнькуй тут же передал Цзинчжэ и остальным.

Но не все могли сохранять спокойствие, как Цзинчжэ. В ночь перед экзаменом он слышал, как Хуэйпин переворачивался с боку на бок. Наутро у того под глазами залегли тёмные круги.

— Я тебе вчера не мешал? — виновато спросил он. — Что-то никак не мог заснуть.

Цзинчжэ, привыкший к этому, достал маленькую пилюлю и протянул ему.

— Съешь.

Хуэйпин, не сомневаясь, проглотил её и тут же скривился от горечи. Сонливость как рукой сняло.

— Не выплёвывай, — улыбнулся Цзинчжэ. — Это чтобы взбодриться.

Съев пилюлю, Хуэйпин почувствовал, как прояснилась голова. Поняв, что это ценная вещь, он, конечно, не стал её выплёвывать.

В тот день тех, кому предстояло испытание, освободили от работы. Они ждали перед залом.

Вскоре вышел начальник управления.

— Кого назову, тот заходит, — сказал Цзян Цзиньмин, скрестив руки за спиной.

К своему удивлению, Цзинчжэ назвали первым.

Он вошёл вслед за Цзян Цзиньмином и увидел Юнькуя, раскладывавшего что-то на столе. Заметив Цзинчжэ, тот подмигнул ему.

— Кхм, — кашлянул Цзян Цзиньмин, и Юнькуй тут же принял бесстрастное выражение и встал за его спиной.

Цзян Цзиньмин оглядел Цзинчжэ и неторопливо произнёс:

— Первое испытание — знание дворцовых правил. Можешь выбрать: либо я задаю вопросы, либо садись за стол и отвечай письменно.

Цзинчжэ замер, взглянув на стол, который готовил Юнькуй. Оказывается, был и такой вариант.

Подумав, он подошёл к столу.

На столе лежал лист с мелко исписанными вопросами, стопка чистой бумаги и уже готовые тушь и кисть.

Цзинчжэ мгновение смотрел на вопросы, а затем осторожно сел.

Он взял кисть в руку. Движение было неуверенным.

Казалось, он давно не держал кисть. Иероглифы выходили кривыми, безвольными.

На самом деле, после поступления во дворец Цзинчжэ тайно продолжал упражняться. В детстве он, может, и не постиг глубоких наук, но грамоте обучился хорошо.

Он помнил, как, стоя на коленях у Цэнь Сюаньиня, он учился выводить иероглифы, и тот водил его рукой.

Тогда у него получалось очень хорошо.

Отец всегда хвалил его.

Но прошло много лет. Хоть он и помнил начертание иероглифов и часто тренировался, рисуя палкой на песке, он давно не держал в руках настоящую кисть. Этот перерыв не прошёл бесследно.

Рука Цзинчжэ слегка дрожала.

Иероглифы получались слабыми, но разборчивыми.

Хорошо было лишь то, что они не были слишком крупными. Некоторые новички, не умея контролировать нажим, занимали несколькими иероглифами целую страницу.

Он писал долго, и когда закончил, пальцы одеревенели.

Спрятав руку в рукав, он встал и передал несколько исписанных листов Цзян Цзиньмину.

Пока тот читал, Юнькуй, стоявший у него за спиной, снова начал подавать знаки Цзинчжэ.

Юнькуй: «Почему ты не сказал, что умеешь писать?»

Цзинчжэ: «А ты не спрашивал».

— Прощёл. Жди сзади, — прервал их безмолвный диалог Цзян Цзиньмин.

Цзинчжэ поклонился и прошёл вглубь комнаты.

Когда его фигура скрылась, Цзян Цзиньмин вдруг спросил:

— Юнькуй, что ты знаешь об этом своём друге?

Юнькуй, собиравшийся звать следующего, замер и, подумав, ответил:

— Он хороший человек.

— В чём же он хорош?

— Он спокойный и сдержанный, но очень упорный и добрый. Он хороший друг, и денег не жалеет, — честно ответил Юнькуй. — Я слышал, он потратил много денег, чтобы помочь другу из Северных покоев устроиться на Императорскую кухню. Я не думаю, что он... плохой человек.

Он хорошо знал своего наставника.

— Учитель, — он подошёл поближе, — с Цзинчжэ что-то не так?

Иначе зачем эти вопросы?

— Не то чтобы не так, — Цзян Цзиньмин провёл пальцем по бумаге. — Просто он не только грамотен, но и пишет неплохо. Видно, что раньше учился.

Чтобы достичь высокого положения в гареме, характер и нрав не имели значения. Но грамотность была обязательна.

Даже если бы Цзинчжэ провалил остальные испытания, одного умения писать было бы достаточно, чтобы он прошёл.

Цзян Цзиньмин искоса взглянул на Юнькуя.

Вот уж кто был дуб дубом. Заставить его учиться было всё равно что резать свинью — визгу было столько, что другие начальники управлений думали, что он мучает своего ученика.

При этой мысли Цзян Цзиньмин досадливо пнул Юнькуя:

— Иди, иди, зови следующего.

Юнькуй послушно удалился.

Как и ожидалось, из оставшихся десяти человек никто не решился писать. Все отвечали устно под строгим взглядом Цзян Цзиньмина.

Отсеяв тех, кто отвечал неуверенно и медленно, он оставил половину.

Прошедшие первое испытание отправились вслед за Цзян Цзиньмином в зал Фэнсянь.

Цзинчжэ и не думал, что вернётся сюда так скоро и таким образом.

— Недавно во время снегопада в зале Фэнсянь обрушилась черепица, — говорил на ходу Цзян Цзиньмин. — Ремонт уже закончен. Ваше задание — убрать всё после него. Во время работы не нарушать дворцовые правила.

Цзинчжэ понял — уборку зала решили совместить с проверкой.

Хоть зал Фэнсянь и был важным местом, но здесь не было господ, а поминальные таблички — всего лишь таблички. Нужно было лишь быть осторожным и не нарушать правила, и тогда аттестация пройдёт гладко.

Кажется, все...

...поняли намёк Цзян Цзиньмина.

Только сейчас встревоженный Хуэйпин наконец успокоился. Он понял, что Цзинчжэ был прав: если делать всё по порядку и не паниковать, то с их уровнем подготовки можно было справиться.

В конце концов, это был экзамен всего лишь на третий ранг, а не на первый или второй.

Разумеется, экзамен был только один – на третий ранг.

Получение первого или второго ранга зависело не от испытаний, а от наличия вакансий и покровительства начальства. На этом этапе полагаться на себя было уже бесполезно.

Среди усердно работавших евнухов Цзинчжэ не выделялся. Цзян Цзиньмин, скрестив руки за спиной, стоял снаружи и наблюдал за ними.

Во-первых, чтобы в случае чего сразу заметить проблему. А во-вторых, он присматривал себе подходящего человека.

Юнькуй уходил в Управление по закупкам, и Цзян Цзиньмину нужен был новый помощник. У него были и другие названные сыновья, но ни один из них не был ему так по душе, как Юнькуй. Лучше было выбрать из новичков.

Из всей группы ему приглянулся только Цзинчжэ.

Не только потому, что он был грамотен, но и из-за его характера.

Цзян Цзиньмин не любил лентяев и двуличных людей.

Цзинчжэ пробыл у него на глазах несколько месяцев, дружил с Юнькуем и казался человеком стойким и не из тех, кто бывает неблагодарен.

Решение было принято, и он смотрел на Цзинчжэ с довольством.

Внутри зала Цзинчжэ, согнувшись, собирал обломки черепицы и выносил их на улицу. Он вытер пот со лба.

И невольно взглянул на левую стену.

Там, за ней, находился тот самый маленький храм.

Сквозь густые ветви деревьев виднелась его небольшая двухэтажная башенка.

Он опустил голову и снова взялся за метлу.

Слой за слоем.

Проработав весь день, молодые евнухи устали как никогда. Возвращаясь домой, они были так измотаны, что не могли вымолвить ни слова.

Во дворце убирали каждый день, и даже после снегопада или листопада грязи было не так много.

Но зал Фэнсянь после ремонта... хоть важные места и были прикрыты, но пыль, обломки черепицы и камни были повсюду. Целый день таскать мусор и подметать — от постоянных наклонов у них чуть не отвалились спины.

Цзян Цзиньмин лаконично объявил, что они успешно прошли испытание, велел им завтра прийти за новой формой и бирками и отпустил, грязных и измотанных.

Но Цзинчжэ он попросил остаться.

Ненадолго. Хуэйпин подождал снаружи совсем немного, и Цзинчжэ вышел.

Видя, что лицо у друга не изменилось, Хуэйпин решил, что ничего страшного не случилось. Вернувшись, он быстро умылся, переоделся и вздохнул с облегчением.

— Зачем тебя начальник управления задерживал?

После дневной работы, умывшись и поужинав, Хуэйпин уже клевал носом. Он лёг в кровать и, обняв одеяло, начал засыпать.

Цзинчжэ сидел на краю кровати и что-то плёл.

Хуэйпин привык к его рукоделию и не присматривался.

— Юнькуй уходит в Управление по закупкам, — плетя, ответил Цзинчжэ. — У начальника управления освободилось место, и он спросил, не хочу ли я его занять.

— Что?! — Хуэйпин мгновенно проснулся и сел на кровати. — Только не говори, что ты отказался.

Он выглядел более взволнованным, чем сам Цзинчжэ.

Он знал, что его друг — человек странный. Иногда он мог отказаться от выгодного предложения, которое само шло в руки.

Хуэйпин боялся, что и на этот раз Цзинчжэ поступит так же.

— Да за кого вы меня принимаете? — с досадой сказал Цзинчжэ. — Это же естественно, и к тому же хорошее дело. С чего бы мне отказываться?

— Это у тебя надо спросить, — резонно заметил Хуэйпин. — Цзинчжэ, спроси себя, почему ты всегда производишь такое впечатление.

Движения рук Цзинчжэ замедлились. Он с сомнением посмотрел на Хуэйпина.

— И почему же?

— Цзинчжэ, ты всегда готов нам помочь — и своим друзьям из Северных покоев, и Юнькую, и мне. Но ты никогда ничего не просишь взамен.

— Но мне действительно ничего не нужно, — пожал плечами Цзинчжэ.

Он мог помочь, хотел помочь, поэтому и помогал.

А в его делах ему никто помочь не мог, так что и говорить было не о чем. Да и не было у него таких дел, в которых ему требовалась бы помощь.

Конечно, была система. Он спрашивал у неё, можно ли рассказать о её существовании.

Ответ был — нет.

С момента привязки они стали единым целым.

Правила, которым должна была следовать система, распространялись и на него. А значит, о её существовании он не мог никому рассказать.

Нарушение грозило последствиями.

Так что Цзинчжэ действительно не мог придумать, с чем ему могла бы понадобиться помощь.

— Дело не в этом, Цзинчжэ, — покачал головой Хуэйпин. — Даже когда тебе действительно нужна помощь, ты никогда об этом не говоришь.

Он привёл пример.

— Когда У Дэ пришёл к тебе, почему ты промолчал?

— Тогда всё уже закончилось, — растерялся Цзинчжэ. — К тому же, если бы я не вернулся вовремя, вы бы пошли меня искать. Мы с Юнькуем заранее договорились...

— Нет, это не помощь, это часть плана, — прервал его Хуэйпин. — Вернувшись, ты не сказал нам, что столкнулся с У Дэ. А ведь он искал именно тебя.

У Фу был достаточно безумен, а что насчёт У Дэ?

Цзинчжэ столкнулся с ним, и это было серьёзно, но он не упомянул об этом. Об этом стало известно случайно, уже после того, как все разошлись.

— Цзинчжэ, дружба — это когда помогают друг другу, — серьёзно сказал Хуэйпин. — Мы не можем всё время на тебя полагаться и ничего не давать взамен.

Цзинчжэ был ошеломлён. Он не ожидал, что слова, которые он недавно говорил Чжэн Хуну, так скоро вернуться к нему самому.

...Он и не думал, что выглядит как бескорыстный дурак.

Но Хуэйпин устал. Наговорив кучу всего, он, не закончив, уснул.

Цзинчжэ укрыл его одеялом, подошёл к двери и, закончив плетение, при тусклом свете луны посмотрел на то, что держал в руке.

Это был искусно сплетённый узелок мира и спокойствия.

Но он отличался от обычных: в красные нити были вплетены чёрные. А если присмотреться на свету, можно было заметить, что в чёрных нитях пробивается лёгкая желтизна.

Это были волосы Цзинчжэ.

Он машинально коснулся своих волос. После умывания он отрезал прядь.

С тех пор как он получил прядь волос Жун Цзю, ему казалось, что нужно подарить что-то ещё, кроме того, что он уже сделал. Но ничего подходящего не приходило на ум.

Наконец, он подумал о своих волосах.

Хоть и не шелковистые, немного непослушные и с желтизной.

Но это имело особое значение.

Он осторожно закончил работу.

Но что-то в этом было странное.

Спрятав узелок, он решил пока не отдавать его.

Внезапно ему показалось, что если они обменяются волосами, это будет иметь куда более глубокий смысл.

«Связать волосы — стать мужем и женой, в любви и верности не сомневаться».

Эти слова были известны и Цзинчжэ.

Во дворце Цяньмин ярко горели огни.

Высокие фонари освещали карнизы и галереи, отбрасывая на землю чёткие тени.

Нин Хунжу стоял у входа, преграждая путь министру наказаний и главе Далисы.

— Господа, вы прибыли во дворец глубокой ночью, наверняка по неотложному делу, — с улыбкой говорил он. — Но Его Величество уже отошёл ко сну. Прошу вас, подождите.

— Управляющий Нин, — возвысил голос министр наказаний, — раз вы знаете, что мы осмелились явиться сюда ночью, значит, дело и вправду неотложное. Как вы можете нас не пускать к Его Величеству?

Нин Хунжу, чувствуя, как на него летят брызги слюны, незаметно отступил на шаг.

— Министр Лю, я, из уважения к вашей преданности Его Величеству, не приказал страже схватить вас, когда мне доложили о вашем прибытии. Но если вы будете настаивать, не обессудьте. Господа, вы ведь знаете, какое наказание полагается за вторжение без дозволения?

Возбуждённый министр наказаний замолчал. Глава Далисы оттащил его назад, чтобы тот не наговорил лишнего. Он-то знал, что ступени этого дворца впитали кровь многих, и не хотел, чтобы его труп стал частью этой истории.

— Управляющий Нин, — с горькой усмешкой сказал глава Далисы, — не вините министра Лю за его волнение. Дело в том, что... Би Синьтяня перехватили и убили.

Лицо Нин Хунжу слегка изменилось. Это имя было ему хорошо известно.

В прошлом году на юге случилось наводнение, и император Цзинъюань, проверив донесения, выделил средства на помощь пострадавшим.

Однако через полгода отчёты, хоть и выглядели гладко, вызвали подозрения. Император отправил тайных ревизоров, и те, приложив немало усилий, вышли на Би Синьтяня.

Этот человек много лет добирался до поста губернатора. И много лет на нём просидел. Каждые три года его аттестация была безупречной. Под его управлением народ, казалось, жил в мире и достатке.

Но бедствие вскрыло подлоги в отчётности.

И численность населения, и площадь земель, и масштабы катастрофы — всё было искажено.

Всё было ложью.

Когда Нин Хунжу читал донесения, он был поражён масштабом аферы. Всё было так тонко продумано, что, если бы не бедствие и не то, что Би Синьтянь для покрытия недостачи присвоил казённые деньги, его бы, возможно, и не раскрыли.

Но, может, и это бедствие было предупреждением.

Видно, даже небеса не выдержали.

— Эта весть пришла только сегодня ночью?

Министр наказаний, наконец, совладал с собой и напряжённо ответил:

— Именно. Конвой с Би Синьтянем должен был прибыть полмесяца назад. Принимающая сторона ждала, но так и не дождалась. Я заподозрил неладное и отправил гонцов. В одной из почтовых станций они как раз столкнулись с гонцом из Юйчжоу.

Там, в горах, было много разбойников. Они грабили, но обычно не убивали — им нужны были только деньги.

Недавно торговый караван благополучно прошёл через гору, известную своими разбойниками.

И так несколько раз. Словно разбойники исчезли.

Узнав об этом, власти отправили отряд солдат. Готовясь к бою, они, к своему удивлению, не встретили ни души. Обыскав гору, они нашли логово разбойников — пустое, словно его недавно обчистили.

Позже, у подножия скалы, они обнаружили разбитую тюремную повозку, лошадей и трупы конвоиров. Тела уже разложились, но по одежде и числу — один заключённый и конвоиры — всё сходилось.

Это была повозка, перевозившая государственного преступника!

Нетрудно было догадаться, что разбойники напали на конвой, а поняв, что совершили, уничтожили следы и разбежались.

Эта весть дошла до столицы только к ночи.

Но дело было срочным, поэтому они и явились во дворец.

Нападение на конвой и убийство государственного преступника, да ещё и такого, как Би Синьтянь, чьё дело вёл сам император, — это было серьёзно.

Вот почему министр наказаний был так взволнован.

Нин Хунжу задумчиво перевёл взгляд с министра наказаний и главы Далисы на последнего человека.

Цензор слева, Шэнь Цыкунь.

Пока те двое говорили, он молча стоял позади. Встретившись взглядом с Нин Хунжу, он лишь слегка улыбнулся.

Нин Хунжу кивнул ему и сказал:

— Раз дело такое важное, я не стану вас задерживать. Но... господа, вы должны знать, что когда Его Величество спит, его нельзя будить. Если он будет в гневе, пеняйте на себя.

С этой улыбкой он ушёл докладывать.

— Господин Шэнь, — обернулся к цензору министр наказаний, — что означают слова управляющего Нина?

— То, что нам следует поберечь свои головы, — улыбнулся Шэнь Цзыкунь. — Но это, скорее всего, добрый совет.

— Добрый? — не понял министр наказаний. — Где же тут доброта? Это же чистой воды угроза!

В отличие от внешнего спокойствия, войдя во дворец, Нин Хунжу двигался с предельной осторожностью. Убедившись, что от него ничем не пахнет, — он и сам проверил, и попросил проверить госпожу-чиновницу Ши, — он осмелился войти во внутренние покои.

Его слова министру не были пустой угрозой.

Когда император Цзинъюань спал, его действительно нельзя было будить.

Он спал мало, но очень крепко.

Поэтому рядом с ним никого не оставляли.

Как бы крепко он ни спал, он, конечно, проснётся, если кто-то войдёт. И если его разбудят, а не он проснётся сам...

В такие моменты император Цзинъюань убивал всех, кто был рядом.

Всех без исключения.

Каждый раз, когда Нин Хунжу приходилось будить его, он лишь приоткрывал дверь, вставал у самого порога и осмеливался позвать.

— Ваше Величество, министр наказаний и другие господа просят аудиенции по делу... об убийстве Би Синьтяня.

В тёмной, тихой комнате его голос прозвучал гулко.

Сказав это, он замолчал, напряжённо прислушиваясь, готовый в любой момент броситься бежать.

Император не сердился на это.

Однажды он даже заметил: «Я потому и оставил тебя, что ты труслив и умеешь быстро бегать».

«...Так это, оказывается, достоинство?» — подумал тогда Нин Хунжу.

Как бы то ни было, сегодня его достоинство снова ему пригодилось. Он едва увернулся от летевшего в него кинжала.

В душе он даже немного возгордился.

Видно, не растерял ещё сноровки.

Одной ногой он уже был за порогом, готовый бежать.

Но в комнате снова стало тихо. Он замер на границе, не смея уйти, но и боясь остаться.

Боялся быть убитым, но и боялся не услышать приказ.

— Всех, кто сегодня ступил на порог дворца Цяньмин, — казнить без пощады.

Наконец, из темноты донёсся холодный, сдавленный голос.

— Ваше Величество, — осмелился возразить Нин Хунжу, рискуя жизнью, — среди них и цензор слева.

Всех остальных было не так жаль, но Шэнь Цзыкунь!

Что-то с грохотом разбилось в комнате. Ледяной голос вдруг раскалился добела.

— Вон.

Одно слово, и Нин Хунжу пулей вылетел из комнаты.

И не только сам, но и выгнал остальных. Видите, какой он добрый человек, даже жизнью ради них рисковал.

Если он не потребует с них за это хорошую плату, он будет не он.

Когда министр наказаний и глава Далисы с пепельными лицами уходили, цензор Шэнь Цзыкунь задержался. Глядя на табличку над входом во дворец, он тихо спросил:

— Его Величество... в последнее время в добром здравии?

Другому Нин Хунжу не ответил бы.

Но это был Шэнь Цзыкунь.

Один из немногих близких императору людей.

Нин Хунжу знал, что к семье Шэнь император Цзинъюань всегда относился с некоторой долей терпимости.

Немногой, но, как сейчас, достаточной, чтобы спасти жизнь.

— Его Величество в полном порядке, — искренне ответил он.

По сравнению с прошлым, сейчас всё было намного лучше.

— Вот и хорошо, — вздохнул Шэнь Цзыкунь. Он поклонился Нин Хунжу и вместе с остальными скрылся в снежной мгле.

Нин Хунжу на цыпочках вернулся назад. В комнате горел свет.

Очень тусклый, едва заметный.

Император Цзинъюань проснулся.

Нин Хунжу, как перепел, замер у входа. За ним — госпожа-чиновница Ши и остальные, застывшие, как статуи, без единого звука.

Словно их и не было.

Пронизывающий ветер обжигал лицо, но во дворце Цяньмин было тепло.

Огонёк свечи освещал небольшое пространство.

Император Цзинъюань действительно не спал.

Чернильные зрачки в свете пламени казались наполненными жидким ядом. С трудом сдерживаемая ярость металась в его взгляде, делая его похожим на призрака.

Неукротимое желание убивать заставляло его в полусне совершать безумные поступки, и кровь на его пальцах была лишь краской.

На широкой, мягкой кровати были разбросаны обрывки шёлковой ткани.

На ней виднелись кривые, неумелые стежки, нарушавшие её целостность.

Но даже они не могли сравниться с яростью, с которой мужчина только что разорвал её.

Странно, но после этого приступ неконтролируемой жажды крови отступил. Бушевавшая в его груди ярость, не находя выхода, начала преобразовываться в нечто иное, более извращённое и тёмное.

Скрытое в тени лицо мужчины было болезненно-бледным. Он поднял обрывок ткани и долго смотрел на него, о чём-то думая.

А потом...

Послышался тихий, влажный звук.

Словно пропитанный сыростью, он наполнил комнату странной атмосферой.

Дыхание стало прерывистым.

Это было иное, странное желание.

Прекрасное лицо Хэлянь Жуна исказилось, румянец у висков напоминал языки пламени. Из смертоносного демона он вдруг превратился в пожирающего души инкуба. Его глаза, чёрные, как самый лучший нефрит, горели звериным огнём.

Он тяжело дышал. С его алых губ сорвалось чьё-то имя, произнесённое так, словно он хотел сожрать этого человека заживо.

В Управлении по надзору за дворцовыми залами крепко спавший Цзинчжэ вдруг проснулся.

Тук-тук...

Тук-тук-тук...

Сердце бешено колотилось.

Он прижал руку к груди. Конечности онемели.

Внезапное чувство опасности охватило его, словно надвигалась беда.

Неужели... приснился кошмар?

<http://bllate.org/book/16993/1586600>